

и стилистической характеристики слова, а также по принципам размещения фразеологического материала и подбора иллюстративных примеров будет близок к четырехтомному словарю под ред. Д. Н. Ушакова, а по приемам толкования слов — к однотомному словарю С. И. Ожегова. В приемы и методы размещения фразеологического материала, толкования отдельных категорий слов, выделения омонимов по сравнению с названными словарями внесены некоторые уточнения.

Существенным недостатком будущего словаря сравнительно с строго нормативным академическим словарем русского языка под ред. Я. К. Грота<sup>28</sup> и с современными толковыми словарями является отказ от решения целого ряда орфографических, орфоэпических и грамматических вопросов, от которых не могут и не должны отказываться составители нормативного словаря.

При решении конкретных лексикографических задач, особенно в области грамматической характеристики слова, орфографии и орфоэпии, авторы «Инструкции» недостаточно внимательно отнеслись к нормативной стороне словаря. Показательно, что орфография и орфоэпия вообще не включены составителями в понятие «нормативности». Так, во введении говорится: «Назначение трехтомного Словаря—дать нормы употребления слов... Нормативность достигается: а) подбором слов, включенных в Словарь, б) выделением и характеристикой значений слов и их оттенков, указывающих правильность их употребления в речи, в) стилистическими пометами, устанавливающими сферу и границы употребления того или иного слова (или его значения), г) убедительными цитатами или предложениями, взятыми из авторитетных источников, показывающими, как и в каких сочетаниях данные слова употребляются, д) грамматическими объяснениями и е) расстановкой ударений» (стр. 7). Таким образом, орфография и орфоэпия не включаются в круг тех явлений языка, которые подлежат нормализации в словаре.

В то же время нельзя не признать, что составители «Инструкции» проделали большую работу, которая в целом заслуживает положительной оценки. Они обобщили имеющийся опыт составления словарей данного типа, подробнее разработали ряд отдельных вопросов (ср. разделы, посвященные фразеологии, омонимии, и некоторые другие). Многие недостатки «Инструкции» объясняются общей неразработанностью целого ряда вопросов лексикологии и лексикографии.

Т. Г. Бранцева и Р. М. Цейтлин

**П. Я. Черных.** Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги.—М., Изд-во АН СССР, 1953. 375 стр. (Ин-т языкознания.)

Каждое новое, полное описание языка того или иного памятника письменности способствует исследованию всего пути, пройденного языком в процессе его становления и совершенствования. В связи с этим следует приветствовать выход в свет книги проф. П. Я. Черных «Язык Уложения 1649 года», изданной Институтом языкознания Академии наук СССР.

Труд П. Я. Черных в той части, где дается описание фонетики и морфологии памятника, является именно таким исследованием языка Уложения, которое по справедливости может быть названо полным, добросовестным и тщательным.

Уложение 1649 г., являясь деловым документом эпохи, отражающим соответствующие языковые нормы своего времени, представляет значительный интерес. Поэтому выбор для исследования именно данного памятника можно считать удачным. Да и XVII в. как период становления национального языка должен привлекать к себе внимание исследователей, тем более, что письменность этого века, как и предшествующего ему XVI в., нельзя считать достаточно изученной. П. Я. Черных совершенно справедливо отмечает в предисловии большую роль Уложенной книги как памятника печати того, разошедшегося в большом количестве экземпляров в период складывания «нового» (мы полагаем, национального. — М. С.) литературного языка (стр. 4)<sup>1</sup>.

В работе П. Я. Черных, кроме описания языка, т. е. фонетики и морфологии памятника, имеется детально изложенная история создания Уложения, которой посвящены четыре главы: I. «История Уложенной книги», II. «Источники Уложенной книги», III. «Редакционная коллегия Уложенной книги» и V. «К вопросу об изданиях старо-

<sup>28</sup> «Словарь русского языка, сост. Вторым отд-нием Имп. акад. наук», т. I (под ред. Я. К. Грота), СПб., 1895.

<sup>1</sup> Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даются ссылки на страницы рецензируемой книги.

печатного Уложения» (в общей сложности этим темам уделено больше 200 страниц книги).

Положительной стороной следует также считать и то, что в исследовании содержится не только материал по языковым данным Уложения, но и сведения о памятниках, являвшихся источниками при создании Уложения (указана книга Поместного приказа, Литовский статут, Книга о ратном строе и др.); одновременно в работе сообщаются любопытные данные о Грамматике 1648 г.

Достаточно полно проведено в труде П. Я. Черных и сравнение первого и второго изданий Уложения, ярко обнаруживающее сознательную правку текста от издания к изданию, причем имеются четкие показатели, характеризующие сущность процесса правки: совершенно сознательная замена церковнославянских особенностей русскими, т. е. осуществление русификации текста, устранение в Уложении ряда элементов архаизации языка (стр. 128 и сл.). Все это помогает читателю представить себе совокупность процессов, характеризовавших развитие письменного делового языка изучаемого периода, поскольку становится очевидной смена одних форм другими и получает свою характеристику сосуществование определенных форм друг с другом. Ценны и разделы, посвященные словообразованию и ударению тех или иных форм языка, хотя эти разделы преимущественно представляют собой только констатацию фактов и не содержат каких-либо теоретических обоснований. Для историка языка книга П. Я. Черных может послужить в ряде случаев и справочником по истории тех или иных фактов языка, что также повышает ее значение.

Подчеркивая важность и полезность рецензируемой работы П. Я. Черных, выскажем и некоторые критические замечания. Как показывает заглавие, книга посвящена исследованию языка Уложения 1649 г. Таким образом, естественно было бы ожидать, что она содержит обширные и исчерпывающие материалы, всесторонне характеризующие язык Уложения, что в ней нашли себе место все данные о грамматическом строе языка Уложения. Между тем вопросы синтаксиса в книге совершенно отсутствуют, хотя синтаксис Уложения в свое время и привлекал внимание П. Я. Черных. Правда, автор обещает позднее опубликовать материалы по синтаксису Уложения (см. прим. 3 на стр. 272). Но об отсутствии описания синтаксиса в рецензируемой книге все же приходится выразить сожаление, так как в книге, озаглавленной «Язык Уложения», освещены по существу лишь вопросы морфологии. Вообще соотношение частей работы, посвященных грамматическому строю памятника, с одной стороны, и частей, связанных с историей создания текста Уложения, является в работе неоправданно своеобразным: в книге объемом в 372 стр. анализу грамматического строя отведена лишь 161 стр., хотя кажется, что этот раздел должен был бы занимать в книге ведущее место и по объему, так как этим ведь определяются, в частности, возможности исчерпывающего приведения материала, извлеченного из текста изучаемого памятника.

Не приходится сомневаться, что П. Я. Черных располагал исчерпывающим материалом, характеризующим языковой строй как самого Уложения, так и тех памятников, на которые он ссылается. Однако в своей работе автор не счел возможным привести полностью извлеченные из текста примеры. Между тем следует помнить, что в значительном ряде случаев в период создания Уложения было возможно существование двух, а иногда и большего количества параллельных форм. Автор исследования, конечно, отмечает подобные параллельные формы, но не приводит всех имеющихся примеров и тем самым не дает читателю оснований для заключения о преобладании той или иной формы. Указания автора по этому поводу носят довольно неопределенный характер: сообщается лишь, что в том или ином случае «преобладает» или «чаще встречается» такая-то форма. Так, например, на стр. 287 читаем: «В этих падежах <sup>2</sup> ... ч а с т о в с т р е ч а ю т с я (разрядка наша. — М. С.) старые окончания -ом, ...-ы, -ѣх (ex)». Между тем важнее всего для историка русского языка картина реального соотношения старых и новых форм этих падежей в том или ином памятнике XVII в. В приведенном случае особый интерес представили бы показания дательного и творительного падежей.

Такую же обобщенную характеристику материала находим и на стр. 312, где о притяжательных прилагательных на ъ говорится только, что они встречаются «изредка». На стр. 316 по поводу образования форм сравнительной степени на *ае* после шипящих (типа *плошае*) в Книге о ратном строе также сообщается лишь, что этих форм в данном памятнике «значительно больше», чем в Уложении.

Но именно в этой части работы больше, чем в других ее частях, историку языка хотелось бы найти полный материал исчерпывающего характера (или хотя бы указание на количественное соотношение примеров). Этот материал можно было бы сравнить с фактами, полученными в результате исследования того или иного памятника.

При исследовании истории склонения большую роль играет и самый лексический состав, например, тех имен существительных которыми усвоены различные флексии,

<sup>2</sup> Имеются в виду дательный, творительный и предложный падежи существительных мужского и среднего рода.

особенно флексии, которым в дальнейшем суждено было стать нормой национального литературного языка. Даже примеры, приведенные на стр. 295, количество которых, видимо, не является исчерпывающим, дают возможность убедиться в том, что и в Уложении, как это мы наблюдали в больших бытовых памятниках XVI в., проводником новых форм являлась прежде всего бытовая лексика (*прудами, съ ыцами*<sup>3</sup>, *помб-стьями, дворами, погребами, сыновьями* и т. д.).

Затруднительно по работе П. Я. Черных сделать вывод и об употреблении форм деепричастий в Уложении. На стр. 356 автор исследования полагает, что «н о р м а л ь н ы м и формами деепричастия настоящего времени от глаголов несовершенного вида первого спряжения с т в е р д о й основой в Уложении следует считать форму на *учи*». На той же странице ниже читаем: «От глаголов с мягкой основой в о з м о ж н а (разрядка наша. — М. С.) форма на *ючи...*». Формы на *-учи* иллюстрированы тремя примерами (*будучи, пдучи, жисвучи*). Приведено и восемь примеров деепричастий на *-ючи*. Однако на стр. 357 (первый абзац) читаем: «В общем, деепричастных образований на *ючи* в Уложении встречается н е т а к у ж м н о г о (разрядка наша. — М. С.). Формы деепричастия настоящего времени на *а, я* явно преобладают». Таким образом, читатель не получает сколько-нибудь отчетливого представления о соотношении деепричастных образований от глаголов первого спряжения с *-учи, -ючи*, с одной стороны, и *-а, -я*, с другой. Вот почему хочется высказать пожелание, чтобы исследователи, обладающие исчерпывающими данными, характеризующими язык того или иного памятника любого периода, приводили бы эти данные полностью.

На стр. 197 имеется указание на то, что «прилагательное *разный* о б ы к н о в е н н о (разрядка наша. — М. С.) употребляется в Уложении с о после *р...*» Далее сообщается, что «с корнем *раз* это прилагательное все же возможно в Уложении...» На этот последний случай приведены три примера. Остается неясным, исчерпываются ли случаи употребления прилагательного *разный* этими тремя примерами? Каковы же взаимоотношения этих двух случаев написания? Нельзя ли было высказать предположение также о наличии приставки *раз*, а не *ров* в словах: *разграбление, разорение* и *рассмотрение* при наличии написания *розрабили* и т. д.? Хотелось бы во всех подобных случаях знать точку зрения автора работы. При наличии у автора исчерпывающего материала удивляют такие формулировки: «Под ударением приставка *ров* встречается в д в у х - т р е х (разрядка наша. — М. С.) случаях...» (стр. 197); «...сочетание *ро* в начале слова в соответствии с церковнославянским *ра* встречается еще только в д в у х - т р е х основах: *ровн* (три случая) и *роб* (один случай)...» (стр. 198). Неужели, если речь идет о д в у х - т р е х случаях употребления той или иной формы, их нельзя было дать полностью и тем самым исключить неточность, неполноту изложения?

Следует отметить также, что количество выводов и заключений самого автора исследования могло бы иметь в работе значительно больший удельный вес. Так, например, весьма неопределенно изложена точка зрения автора на то, какое фонетическое значение имеет употребление букв *ь, ю* и *я* после шипящих *жс* и *ш*. На стр. 227 автор указывает лишь, что эти написания «на первый взгляд» могут свидетельствовать о мягкости шипящих *жс* и *ш*; дальше следует приведенный в довольно хаотическом порядке иллюстративный материал (*мятежь, рубезжь, замужь, ерабось* и т. д.). Отсутствует в последующем изложении и четкое указание на то, что подобные написания являются лишь определенным графическим приемом.

Также неясно сформулированы положения, касающиеся оглушения согласных (стр. 231, 232, 237). Так, на стр. 237 автор пишет: «Отметим единственный пример оглушения конечного звонкого согласного: *за губы и за глась*, 325 (с вместо *в*)», но опять-таки не делает общего вывода о том, что орфографическая норма в памятнике в целом проведена достаточно последовательно.

Вызывает некоторое недоумение и следующая формулировка автора: «Это слово (*мыть* и *мыто*. — М. С.) в Уложении употребляется и в форме мужского и в форме среднего рода и склоняется то по одному, то по другому с к л о н е н и ю (разрядка наша. — М. С.) иногда на одной и той же странице...» (стр. 252). Приведенный в данном случае иллюстративный материал свидетельствует лишь о возможных колебаниях в роде, но не в склонении существительных. Быть может, имея в виду форму именительного падежа множественного числа *мыты*, следует говорить о принадлежности этого существительного к числу существительных мужского рода лишь предположительно (стр. 253).

Здесь же следует отметить еще одну формулировку автора, которая также не может удовлетворить читателя. На 281 стр. в § 1 читаем: «Можно отметить только, что в склонении этих существительных (типа *кость, запись*. — М. С.) как исключение из правила в пред. п. ед. числа оказывается *ѣ* вместо *и* (разрядка наша. — М. С.): *служилыхъ людей в Астрханѣ и в Сибирѣ*, 131...» Мы полагаем, что в данном случае следует видеть не только «исключение из правила», но главным образом то взаимодействие типов склонения, которое создает возможность упо-

<sup>3</sup> Хотя возможно и *съ ыцы* (стр. 290).

требления подобных форм в литературном русском языке в более поздний период. Тот же процесс взаимодействия данных типов склонения имеет место и в говорах<sup>4</sup>.

Недостаточно четкой является формулировка на стр. 322: «Слово *второй* встречается только как исключение из правила, причем каждый раз только в сочетании с другими числительными — с количественными — для выражения сложных числовых понятий, всегда в „высоком стиле“ (разрядка наша.—М. С.). Само по себе подобное наблюдение интересно и важно, но нельзя не отметить, что приведенный иллюстративный материал не дает автору должных оснований для столь обобщенного вывода. Видимо, следует также говорить не о том, что данное употребление слова *второй* является «исключением из правила», а лишь о том, что в Уложении это слово служит синонимом к слову *другой*, которое и выступает в памятнике в функции порядкового числительного со значением «второй».

Справедливо уделяя исключительно большое внимание фактам фонетики, особенно при анализе диалектных особенностей текстов, П. Я. Черных, мы полагаем, в отдельных случаях недооценивает и роль грамматических факторов языка. Например, он в таких написаниях, как *за бесчестья*, склонен видеть отражение замены конечного безударного *e* через *'a* (стр. 195—196); между тем приводимый иллюстративный материал, хотя и не особенно значительный по объему, допускает и иное толкование этих форм: их можно воспринимать как формы множественного числа.

К бесспорно положительным моментам следует отнести наличие в работе разделов, посвященных словообразованию. Но одно из высказываний П. Я. Черных в отношении словообразования останавливает на себе внимание и вызывает возражения. Приводим его полностью: «Как очень редкое явление можно отметить: *дуллястое дерево*, 153. В Книге о ратном строе образований с суффиксом *ист*, *аст* несколько больше: на *горыстом мѣсть*, 146 об., *лесисто поле*, 200; *де ревасто поле*, 200» (стр. 303). Малое количество образований с суффиксами *-ист*, *-аст*, как и возможное их обилие, всецело зависит от лексического содержания памятника. Если содержание текста не дает возможности употреблять подобные образования, то нет оснований говорить о них как о редком явлении, а также и о том, что в другом тексте подобных образований больше. Такие сравнения в данном случае, мы полагаем, исключаются.

Возбуждает некоторое недоумение и вывод, связанный в работе П. Я. Черных с характеристикой московского просторечия середины XVII в.: «Таким образом, разговорная речь московского люда середины XVII в. характеризовалась целым рядом особенностей, отличавших ее не только от книжного церковнославянского языка, но даже от языка московских приказов, — языка дьяков и подьячих, сложившегося на базе этого московского просторечия» (стр. 105). В связи с подобной формулировкой законно поставить вопросы: разве к и и ж и ы и й язык середины XVII в. был церковнославянским? Разве наличие элементов церковнославянской письменности не зависело от содержания или жанра памятника? Ведь элементы церковнославянской письменности могли быть принадлежностью любого жанра. Речь может идти лишь о количественных соотношениях русских и церковнославянских элементов в произведении того или иного жанра. Именно поэтому нелегко провести грань между памятниками письменности, отражающими то язык «книжный церковнославянский», то приказный, то, наконец, разговорный.

В связи с этим полагаем, что не вполне удачной является и такая формулировка: «В особенности оно (сочетание *и* из *ъ+й+гласный*. —М. С.) заметно в тех местах Уложения, которые написаны в „высоком“ стиле, отчасти — на церковнославянском языке» (разрядка наша.—М. С., стр. 222). И здесь речь может идти лишь о значительном количестве церковнославянских элементов, но не о церковнославянском языке. Тем более, что приводимые П. Я. Черных факты встречаются и в современном нам литературном языке: *церковь божия*, *пенне*, *целование*, *уложение* и т. п. Некоторое количество подобной лексики вошло в состав устойчивых сочетаний (например, *смертию казнити*). Наконец, едва ли можно считать такое предложение, как «*вз церковь божию не пуцати*, 186» (стр. 223), написанным на церковнославянском языке. Сказанное относится и к ряду моментов последующего изложения (стр. 224—225).

Встречаются в книге и некоторые, в целом не свойственные автору исследования неточности. На стр. 186 в ссылке на статью А. И. Андреева «О происхождении и значении Судебника 1589 г.» нет указания ни на год издания сборника, в котором статья напечатана, ни на страницу. Иногда наблюдается непоследовательность в употреблении терминологии (ср. на стр. 255 — «звательная форма» и «звательный падеж»). Имеются единичные случаи, когда иллюстративный материал попадает не в тот раздел текста, где бы ему надлежало быть. Так, на стр. 198 в число примеров с начальным корневым *ро* типа *ровн-*, *роб-* попал и пример *родьлнть*. На стр. 257, где приводятся формы винительного падежа множественного числа имен существительных, «обозначающих людей», равные формам именительного падежа множественного числа тех же существительных —

<sup>4</sup> См. С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, Л., Изд-во АН СССР, 1927, стр. 254 и сл.

люди, дети, для сравнения с данными Уложения привлечены материалы Книги о ратном строе, но тут в числе примеров находятся слова *куры, уята, гуси, курицы* и лишь единичное *сержанты*. В чем должно заключаться сравнение, которое предлагается провести читателю, остается неясным.

Трудно согласиться и с тем, что в этот период формы винительного падежа множественного числа, равные именительному, бывают лишь в предложении, где имеется словосочетание *выдать замужь: «дочери свои дѣвки, или сестры, или племянницы выдали замужь, 171 об.»* (стр. 257). Материалы памятников конца XVI в. позволяют предполагать, что в этот период формой единообразия в употреблении форм винительного падежа существительных женского рода еще не было. Ср. данные Домостроя по Кошкинскому списку: «А мати твоя многие девицы и вдовы пустошныя и убогие воспитала (66/27) и одновременно: «убогихъ вдовицъ и сиротъ покони ти достойно (20/34)», или: «А государыня жонокъ и девакъ... сзирает и смечает и наказуетъ (57/21)». Видимо, полная победа форм винительного падежа множественного числа, равных родительному падежу того же числа, для имен существительных женского рода осуществилась несколько позднее. Такие сочетания, как: *стали въ пушкари, встали во псаря* и им подобные, должны быть выделены в особую группу уже потому, что они имеют соответствия и в современном языке. Вообще вопрос о формах винительного падежа для существительных личных и одушевленных изложен несколько суммарно (стр. 255—257).

Иногда заключения автора о хронологии процессов не могут быть безоговорочно приняты. Таково, например, указание об употреблении звательной формы: «В середине XVII в. употребление звательной формы... повидимому, вообще в русском языке, как правило, прекратилось...» (стр. 255). Мы полагаем, что этот процесс относится к значительно более раннему периоду. Случай употребления местоименной формы *сесь* в выражениях *сесь указ, сесь Судебник* в памятниках XVI—XVII вв., вероятно, все-таки не дают повода для того, чтобы предполагать, что в разговорной московской речи XVI в. эта форма была обычной. Материалы таких памятников XVI в., как Домострой, Стоглав и Судебник 1550 г., находившиеся в нашем распоряжении, основания для подобного утверждения не давали.

Следует сделать также замечание, касающееся расположения и подачи иллюстративного материала. Богатый и интересный материал, извлеченный из памятников письменности и иллюстрирующий соответствующие явления фонетики, морфологии, словообразования, ударения и т. п., читателю книги П. Я. Черных не так-то легко использовать. Весь иллюстративный материал по любому разделу расположен в книге до некоторой степени хаотично, не используется даже возможность расположения материала в алфавитном порядке. Так, на стр. 241, где в главе о словообразовании имеется перечень бессуффиксальных образований существительных мужского рода, примеры расположены так: *скоп, скуп, воп, пособъ* и т. д.; на стр. 251 перечислены образования с суффиксом *-ств-о*: *гос[у]дарство, бесчинства, самовольство, крестьянство* и т. д.; на стр. 247: *мятежь, грабежь, правежь, рubeжь, платежь* и т. д.; на стр. 315: *хуже, выше, ниже* и т. д. Данное замечание относится к расположению иллюстративного материала в любой части книги.

В заключение нужно сказать, что рецензируемая книга, не взирая на те замечания, которые мы высказали, представляет собой ценное и нужное исследование. Она дает надежный материал как для историка языка вообще, так и, не в меньшей, если даже не в большей степени, для историка литературного русского языка, так как Уложение 1649 г. относится к начальному периоду развития русского национального языка.

М. А. Соколова

М. И. Стеблин Каменский. История скандинавских языков.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953. 340 стр. с илл. и карт. (Ин-т языкознания)

История скандинавских языков уже давно являлась и продолжает являться предметом исследования многочисленных германистов. На протяжении XIX и первой половины XX в. были опубликованы многочисленные работы, посвященные вопросам фонетики (исторической и нормативной), грамматики и, отчасти, лексики отдельных скандинавских языков. Значительную ценность представляют исследования различных скандинавистов в области исторической фонетики и морфологии, в области диалектологии (с учетом данных лингвистической географии), в области топонимики и ономастики, в области рунологии и этимологии. Накопленный огромный фактический материал уже давно вызвал необходимость в обобщающих работах по истории сканди-